

*Моим родителям, бабушке
и Даймонд*

ПРОЛОГ

Я закрываю глаза, и воспоминания уносят меня — в самое начало.

Он открывает дверь и впускает в книжный магазин несколько опавших листьев. На нём джинсовая куртка с закатанными рукавами и белый свитер. Он заглядывает сюда уже в третий раз за две недели с тех пор, как я устроилась на работу. Его зовут Сэм Обаяши, мы с ним вместе ходим на английский. Я всю смену посматривала в окно, гадая, появится ли он сегодня. Странно, но мы ещё ни разу друг с другом не заговаривали.

Пока я обслуживаю клиентов и выставляю книги на полки, он бродит по магазину. Ищет что-то? Не понять. Может, ему просто нравятся книжные. Или я.

Переставляю товары и думаю, какова вероятность, что Сэм знает моё имя... а потом ловлю взгляд его карих глаз — по ту сторону шкафа. В проёме между книгами.

Пауза затягивается... а потом он расплывается в улыбке и, кажется, открывает рот, чтобы что-то сказать... но я ставлю книжку на место, хватаю ящик и возвращаюсь в подсобку.

Да что со мной не так? Могла бы хоть улыбнуться в ответ!

Хорошенько отругав себя, я набираюсь храбрости и выхожу обратно в зал с твёрдым намерением заговорить с ним. Но Сэма уже и след простыл.

На стойке у кассы нахожу оригами — бумажный цветок вишни — и аккуратно поднимаю его, чтобы хорошенько рассмотреть.

Это Сэм оставил?

Может, я ещё успею его догнать!

Но как только я выбегаю из двери, улица исчезает, и я оказываюсь в шумном кафе на углу Третьей улицы, через две недели после магазина.

Круглые столики словно выпрыгивают из-под деревянного пола, за ними расположилась куча подростков с телефонами и чаем в керамических кружках. На мне серый свитер на пару размеров больше, чем нужно. Каштановые волосы хорошенько расчёсаны и убраны назад.

Я слышу голос Сэма, а потом замечаю и его самого: он принимает чей-то заказ. У него такие тёмные волосы... И почему-то за стойкой он кажется куда выше — может, всё дело в фартуке? Спешу к столику в дальнем конце кафе и устраиваюсь там. Раскладываю записные книжки как можно дольше, призываю всю храбрость, чтобы подойти к нему — пусть даже просто заказать чашку кофе. Но когда я поднимаю взгляд, Сэм уже стоит рядом и протягивает мне дымящуюся кружку.

— Оу. — Я удивлена. — Это не моё.

— Да, знаю, но это то же самое, что ты заказывала в прошлый раз. — Сэм ставит кружку передо мной. — Лавандовый латте с капелькой мёда, так?

Я буравлю взглядом кружку, потом смотрю на очередь и снова на Сэма.

— Мне здесь заплатить?

Он смеётся.

— Нет. То есть это за счёт заведения. Не переживай.

— Оу.

Снова тишина.

Скажи же что-нибудь, Джули!

— Я могу приготовить что-нибудь другое, — предлагает Сэм.

— Да нет, всё в порядке... То есть... спасибо.

— Да без проблем. — Сэм улыбается и прячет руки в карманы фартука. — Тебя ведь Джули зовут, так?

Он указывает на свой бейджик.

— А меня — Сэм.

— Ага, мы с тобой на английском рядом сидим.

— Точно-точно. Ты уже всё прочла?

— Пока нет.

— Оу, хорошо. — Он вздыхает и уточняет: — Потому что я тоже ещё не всё.

Сэм просто стоит рядом и молчит. От него пахнет корицей. Похоже, мы оба растеряли все слова. Я обвожу взглядом кафе.

— У тебя перерыв?

Сэм оглядывается на кассу и потирает подбородок.

— Ну, менеджера сегодня нет, поэтому можно сказать и так.

И он ухмыляется.

— Ты его заслужил. В смысле перерыв.

— За сегодня уже пятый, но кто их вообще считает?

Мы смеёмся. Я чуть опускаю плечи.

— Ничего, если я присяду?

— Давай... — Передвигаю свои вещи, чтобы освободить место.

— Ты откуда переехала? — спрашивает Сэм.

— Из Сиэтла.

— Слышал, там часто дожди идут.

— Ага, так и есть.

Я улыбаюсь. Это наш первый разговор — о школе, о предметах, о каких-то мелочах... У Сэма есть младший брат, ему нравятся музыкальные документалки, он играет на гитаре...

Иногда Сэм обводит взглядом зал — так, словно нервничает. Нервничает, как и я. Но проходит несколько часов, и мы с ним уже не разлей вода. В свете заходящего солнца его кожа превращается в золото — от него трудно отвести взгляд. Мы понимаем, как много прошло времени, только когда группа его друзей вваливается в двери и зовёт его по имени.

Девчонка с длинными светлыми волосами закидывает руку ему на плечо и хмурится, переводя на меня взгляд.

— А это кто?

— Это Джули. Она недавно сюда переехала.

— Оу... откуда?

— Из Сиэтла, — отвечаю я.

Девчонка пялится на меня, не скрываясь.

— Это Тейлор. — Сэм легонько постукивает её по руке. — Мы в кино собрались, как только закончу с работой. Через... час. Пошли с нами.

— На психологический триллер, — добавляет Тейлор. — Может, тебе такое не нравится.

Мы оценивающе пялимся друг на друга. Не понимаю, это она специально грубит или всё-таки нет.

Жужжит телефон, я проверяю время... и меня словно утягивает из приятного сна в суровую реальность.

— Да ничего. Мне домой, пожалуй, пора.

Я поднимаюсь, и моё место занимает Тейлор. Интересно, они встречаются?

Машу им на прощание, а потом подхожу к кассе, и, пока Сэм не смотрит, достаю из сумки бумажный цветок, и кладу на стойку. Я целую неделю училась складывать цветок вишни по туториалам в интернете — такой же, какой нашла в книжном. Руки мои к такому не привыкли, сложновато было. С лилиями гораздо проще.

Застегнув сумку, я спешу прочь из кафе и вдруг оказываюсь на крыльце своего дома, лицом к лужайке. На траве блестит утренняя роса. Ко мне подъезжает машина Сэма — водительское стекло опущено. Прошлым вечером он прислал мне сообщение.

*Привет. Это Сэм. Я получил права!
Хочешь, подвезу до школы? Мне по пути.*

Забираюсь на пассажирское сиденье и хлопаю дверцей. В салоне пахнет цитрусовыми и кожей.

Это у него одеколон такой?

Сэм убирает свою джинсовую куртку назад, и я пристёгиваюсь. В держателе для кружки лежит телефон — от него к стерео тянется USB-кабель. На фоне играет какая-то песня, но я её не узнаю.

— Можешь что-нибудь своё включить, — предлагает Сэм. — Вот... подключай телефон.

Меня накрывает паникой, и я прижимаю к себе мобильник. Не хочу, чтобы Сэм судил мой музыкальный вкус.

Что, если ему не понравится?

— Да нет, и эта ничего.

— Так тебе тоже нравится *Radiohead*?

— Да они всем нравятся, — отвечаю я.

Мы едем молча, иногда переглядываемся. Я отчаянно пытаюсь придумать тему для разговора. Потом оборачиваюсь на заднее сиденье и ловлю взглядом висящую там куртку.

— Это твоя машина?

— Нет, отцовская. — Сэм убавляет звук. — По четвергам он не работает, поэтому за рулём я. Но я коплю на собственную. Поэтому и работаю в кафе.

— Я тоже коплю.

— На что?

Я выдерживаю паузу.

— На колледж. Может, ещё на квартиру, если вдруг перееду.

— И где ты собралась жить? Ты ведь только что сюда переехала.

Не уверена, что готова с ним этим поделиться. Потому молчу.

Сэм кивает.

— Значит, это секрет...

Я улыбаюсь.

— Может, я тебя в него даже посвящу. Как-нибудь в другой раз.

— Замётано. — Сэм скашивает на меня взгляд. — Тогда в следующий четверг?

Я сдерживаю смех, пока мы поворачиваем на школьную стоянку. Поездка вышла быстрой, кажется, четверг скоро превратится в мой любимый день недели.

Воспоминание снова меняется. Спортзал полон ярких огней и музыки, я прохожу под аркой из серебряных и золотых воздушных шаров. Сегодня школьные танцы. Я здесь никого толком не знаю. На мне платье, которое выбрала мама: голубой сатин волнами ниспадает на колени. Длинные волосы уложены в высокую причёску. В зеркале я себя едва узнаю.

Лучше бы я дома осталась, конечно, но родители настояли на том, чтобы я пошла, — нужно ведь как-то заводить друзей. Разочаровывать их не хотелось.

Последний час я простояла, подпирая холодную стену и наблюдая за танцующими и улыбающимися людьми. Иногда проверяла телефон, притворялась, что жду кого-то, но на самом деле пялилась на пустой экран. Может, в самом деле не стоило сюда приходить.

Но что-то не даёт мне уйти. Кажется, Сэм тоже собирался здесь появиться. Я написала ему пару часов назад, но он не ответил. Может, просто не видел?

Музыка замедляется, а свет притухает, и я решаю выйти на танцпол и поискать его. И нахожу почти сразу.

Они с Тейлор танцуют, и моё сердце замирает. Кажется, я тону.

Зачем я сюда пришла?

Да, нужно было остаться дома. И писать ему не стоило.

Я разворачиваюсь и почти бегу к дверям.

В темноте ночи музыка затихает, и мне становится легче дышать. На парковке так спокойно, в отличие от танцпола. И света поменьше.

Сегодня туманно. Пожалуй, стоит пойти домой, пока не начался дождь. Не написать ли матери, чтобы забрала меня? Но ещё слишком рано, и она наверняка начнёт донимать меня вопросами. Может, если пойду домой пешком, удастся проскользнуть в свою комнату незамеченной?

Правда, ноги болят — из-за каблучков. Но я игнорирую боль и выхожу на парковку. В то же мгновение позади меня распахиваются двери.

— Джули...

Я узнаю голос — как не узнать? — и оборачиваюсь. В чёрном костюме Сэм выглядит непривычно серьёзным.

— Ты куда? — спрашивает он.

— Домой.

— Под дождём?

Что я могу ответить? Чувствую себя идиоткой. Выдавливаю улыбку.

— Всего лишь немного тумана. Я ведь из Сиэтла, города дождей... забыл?

— Я могу тебя подвезти.

— Да ничего, я пройдусь. — У меня горят щёки.

— Уверена?

— Да, не волнуйся.

Мне нужно срочно сбежать отсюда. Но Сэм не спешит уходить, и я снова подаю голос.

— Невежливо заставлять свою девушку ждать.

— Что? — Он запинается. — Мы с Тейлор не встречаемся. Мы с ней просто друзья.

Мне так много хочется ему сказать, но чувство пустоты внутри меня не даёт и рта раскрыть. С чего я вообще так на всё реагирую? Мы ведь с Сэмом тоже не встречаемся.

— Почему ты так рано уходишь?

Вспоминаю, как они с Тейлор покачивались на танцполе в свете ярких огней... но не могу ведь я ему правду сказать?

— Да я просто не особо люблю школьные танцы. Вот и всё.

Сэм кивает и прячет руки в карманы.

— Ага, понимаю. Тухло тут.

— В том зале хоть кому-нибудь весело?

— Может, для этого стоит просто найти нужного человека.

У меня перехватывает дыхание. Музыка из зала доносится и до парковки: снова играет медляк.

Сэм мнётся у двери: перекатывается с носка на пятку в своих начищенных ботинках.

— Не хочешь... потанцевать?

— Не знаю... я не особо хороший танцор. И не люблю, когда другие на меня смотрят.

Сэм озирается вокруг, а потом улыбается и протягивает мне руку.

— Ну, здесь никого нет, так что...

— Сэм... — обречённо тяну я.

Он ухмыляется.

— *Один* танец.

Сэм делает шаг вперёд, берёт меня за руку, притягивает к себе, и у меня перехватывает дыхание. Никогда не думала, что мой первый танец будет на парковке перед школой.

Из-за тумана у Сэма блестит лицо, и я вдыхаю знакомый уже запах. Прикладываю щёку к его груди. Хватаюсь за его плечи. А потом он замечает...

— Что это?

На моей руке — бумажные вишнёвые цветы. Я стянула их резинкой.

Щёки мои снова пылают.

— Корсажа у меня нет, так что я симпровизировала.

— Это ведь мой цветок.

— Да, я знаю.

Сэм расцветает.

— Знаешь, я ведь хотел пригласить тебя на танцы... но боялся, что ты откажешь.

— С чего ты решил, что откажу?

— Потому что ты мне так и не написала. Тогда, после книжного.

Я прищуриваюсь.

— Но ты ведь не давал мне своего номера.

Сэм опускает голову и усмехается.

— Что смешного? — раздражённо спрашиваю я.

Сэм берёт меня за руку, отвязывает от неё оригами и разворачивает его. Я протестую, но потом понимаю: в руках у него записка. А на ней — имя Сэма и его номер.

— Я даже не подумала его развернуть... — признаюсь я.

— Мне стоило это предвидеть.

Мы смеёмся. А потом моя улыбка потухает.

— Что такое? — спрашивает он.

— Цветка больше нет.

Бумага порвалась и намочла из-за тумана.

— Не переживай, сделаю тебе другой. Хоть тысячу.

Я обнимаю его — мы продолжаем кружиться по парковке под приглушённую музыку, туман сворачивается вокруг нас, а потом открывает чистое ночное небо... и воспоминание изменяется вновь.

Из окна второго этажа вылетают вещи моего отца. Я выбегаю на лужайку.

Родители ругаются уже целый час, и я больше не могу это терпеть. Я знала, что так и будет, но не ожидала этого так скоро.

Куда я могу пойти?

Я попросила Сэма заехать за мной, но ему нужно время, чтобы сюда добраться. Соседи наблюдают за представлением из окон. Нет, не могу. Поворачиваю за угол и бегу, оставляя всё это позади.

Куда я вообще направляюсь? Кто знает. Бегу от всего знакомого — до самого края города, где зеленеют тянущиеся к горам фермерские пастбища. Понимаю, что забыла телефон. На пустой дороге вспыхивают фары. Я отхожу в сторону, машина замедляется, останавливается. Это Сэм.

— Ты как? — спрашивает он, когда я забираюсь на переднее сиденье. — Я приехал к твоему дому, а тебя уже и след простыл.

Если бы я не забыла телефон, то сразу бы сообщила, где меня искать.

— Как ты меня нашёл?

— Я не... я просто не переставал искать.

Какое-то время мы сидим в его машине и слушаем шум двигателя.

— Куда тебя отвезти? Домой? — наконец спрашивает Сэм.

— Нет.

— А куда?

— Куда угодно.

Сэм крутит руль. Мы бесцельно колесим по городу... кто знает, сколько времени. Темнеет, один за другим выключаются светофоры. Когда дорога перед нами становится слишком тёмной, Сэм сворачивает на стоянку перед круглосуточным магазинчиком и выключает двигатель. Он не донимает меня расспросами: я прижимаю лоб к окну и закрываю глаза. Последнее, что я помню перед тем, как заснуть, — флуоресцентная вывеска магазина и джинсовая куртка Сэма, которой он меня укрывает.

Я просыпаюсь на траве, залитая солнцем. Тут тепло. Поднимаюсь и осматриваюсь: на деревьях полно свёрнутых цветков-оригами, буквально сотни. Они привязаны на длинных ниточках и качаются под порывами ветра, как ветки ивы. Замечаю дорожку из лепестков и следую по ней — на звуки гитары вдалеке. Прохожу мимо водопадов бумажных цветов и вспоминаю, где оказалась. На нашем тайном местечке у озера. Мы бывали здесь уже тысячу раз. Я выбегаю из-за деревьев, вижу, как в воде отражается солнце, и нахожу Сэма. Он ждёт меня.

— Джули... — Сэм откладывает в сторону гитару. — Не знал, придёшь ли ты...

— А я не знала, будешь ли ты ждать, — отзываюсь я. Он берёт меня за руки.

— Я всегда буду тебя ждать, Джулс.

И я верю ему. По крайней мере, сейчас.

Мы сидим у озера и наблюдаем за волнами. По розовому небу плывут облака. Иногда я мечтаю о том, что солнце никогда не зайдёт и мы сможем остаться здесь навечно. Говорить друг с другом, смеяться над знакомыми только нам шутками, притворяться, словно всё будет хорошо. Я смотрю на Сэма, хорошенько смотрю: запоминаю его прекрасную улыбку, прилипшие ко лбу тёмные волосы, загорелую кожу. И жажду остаться в этом мгновении навсегда. Но я не могу. Даже во сне я не могу остановить течение времени.

Облака над нами сгущаются, земля легонько дрожит. Сэм, похоже, тоже это замечает и тут же поднимается.

Я хватаю его за руку.

— Подожди.

Сэм опускает на меня взгляд.

— Джули... если бы я мог, я бы никогда тебя не покинул.

— Но ты уже меня *покинул*.

— Знаю... И мне очень жаль.

— Ты даже не попрощался.

— Потому что я не знал, что мне придётся уйти...

Словно из ниоткуда налетает ветер — он хочет забрать у меня Сэма. Солнце садится за деревья, и на озеро падают тени.

Всё не должно было закончиться вот так. Это было только начало. Наша с Сэмом история только началась.

Сердце выпрыгивает из груди. Я сжимаю его руку, надеюсь его удержать.

Вы дозвонились до Сэма

— Это *нечестно*, Сэм... — Дыхание перехватывает, глаза щиплет от слёз.

Сэм целует меня — в последний раз.

— Знаю, этого мы не планировали, Джули. Но мы хотя бы были вместе. И я хочу, чтобы ты знала... если бы я смог прожить всё это ещё раз, с тобой, я бы так и сделал.

Но если конец причиняет столько боли... то стоит ли оно того?

Я разжимаю пальцы, пытаюсь понять, что бы выбрала сама.

— Прости, Сэм... — Я делаю шаг назад. — Но я бы так не смогла...

Сэм смотрит на меня так, словно я в любой момент заберу свои слова назад. А потом начинает исчезать. Растворяться, превращаясь в лепестки вишнёвого цвета. Ветер подхватывает их, разносит над водой. Пока Сэм не пропал окончательно, я протягиваю руку, хватаю лепесток и прижимаю к груди. Но мне не удаётся его удержать, и последняя частица Сэма тоже исчезает в небе.

Глава первая

СЕЙЧАС

7 марта, 23:09

*Можешь не забирать меня.
Сама домой доберусь.*

И я так и сделала.

Посреди ночи пять миль от автобусной станции тащила за собой огромный чемодан со сломанным колёсиком.

Сэм пытался до меня достучаться. Двенадцать сообщений, семь пропущенных и одно голосовое. Но я проигнорировала их все и упрямо продолжила путь. Оглядываясь на всё это сейчас, я не думаю, что стоило на него так злиться. И лучше бы я ответила на звонок. Может, тогда всё было бы иначе.

Сквозь занавески в комнату лётся утренний свет. Я лежу на кровати, свернувшись клубком, и в который раз уже слушаю голосовое сообщение от Сэма.

— Джули... ты там? — На фоне кто-то смеётся и трещит костёр. — Прости! Я совсем забыл. Но я уже

выезжаю, хорошо? Дождись меня! Через час буду. И да, да, я дурак. Не злись, пожалуйста. И перезвони, идёт?

Если бы он послушался меня и остался с друзьями. Если бы не забыл забрать меня в первую очередь. Если бы дал мне повариться в обиде, а не ринулся всё исправлять, как всегда, никто бы не винил меня в случившемся. Включая меня саму.

Слушаю сообщение ещё, ещё и ещё раз — а потом удаляю. Выбираюсь из постели, открываю ящики, собираю вещи Сэма и всё, что о нём напоминает: фотографии, открытки на дни рождения, билеты в кино, оригами, дурацкие подарки, вроде той плюшевой ящерицы, которую он выиграл для меня на городской ярмарке прошлой осенью, все музыкальные диски, записанные за прошедшие годы (кто вообще так делает в наше время?). Наконец, засовываю всё это в коробку.

С каждым днём смотреть на эти маленькие воспоминания всё труднее. Говорят, время лечит, но я даже фотографию его не могу в руках удержать без дрожи. Я думаю о Сэме постоянно. Как думала всегда.

Я не могу оставить у себя твои вещи, Сэм. Потому что тогда мне кажется, что и ты сам всё ещё здесь. Что ты вернёшься. Что я снова тебя увижу.

Коробка уложена, и я обвожу комнату взглядом... Не думала, что у меня осталось так много Сэмовых вещей. Без них здесь почти пусто, словно в воздухе разверзлась бездна. Словно чего-то не хватает.

Я делаю пару глубоких вдохов, поднимаю коробку и выхожу в коридор. Мне впервые за неделю удалось выбраться из постели до полудня.

Но не успеваю я добраться до двери, как тут же останавливаюсь. Кое о чём я таки забыла.

Опускаю коробку и разворачиваюсь. В шкафу всё ещё висит джинсовая куртка Сэма — с шерстяным воротником и цветастыми нашивками (логотипами музыкальных групп и флагами тех стран, где он успел побывать) на рукавах. Сэм их сам нашивал.

Куртка эта у меня уже давно, я даже забыла, что на самом деле она вовсе не моя.

Стягиваю её с вешалки. На ощупь джинса холодная, даже какая-то сырая, словно впитала весь дождь с того раза, когда я надевала её в последний раз.

Мы с Сэмом бежим наперегонки по лужам после концерта Screaming Trees. Дождь стеной, над нами сверкают молнии. Я растягиваю куртку над головой, Сэм прижимает к груди подписанную гитару, стараясь спрятать её от дождя. Мы три часа ждали у клуба, пока на улицу не вышел солист группы, Марк Ланеган, и не тормознул такси.

— Я так рад, что мы дождались! — кричит Сэм. — Но промокли, жуть!

— Не позволяй какому-то дождичку испортить тебе настроение!

— Это ты называешь «дождичком»?

Из всех вещей, которые я собираюсь выкинуть, куртка напоминает о Сэме больше всего. Он каждый день её носил. И, может, мне кажется, но она всё ещё пахнет им. Я так и не отдала её обратно, как обещала.

Прижимаю куртку к груди, думаю, не оставить ли её себе... ведь необязательно выкидывать вообще всё, так? Можно затолкать её подальше в шкаф, спрятать за пальто, например.

Куртка-то совсем не изношенная... а разбрасываться вещами не стоит. И неважно даже, кому они там раньше принадлежали.

Но потом я ловлю своё отражение в зеркале и прихожу в себя.

Волосы у меня спутанные, кожа бледнее обычного, футболка вчерашняя... и я держусь за эту куртку так, словно она — всё ещё часть Сэма. Вздрагиваю в замешательстве и отвожу взгляд. Нельзя оставлять её себе. Я должна избавиться от всех его вещей, иначе так и не смогу жить своей жизнью.

Захлопываю дверцу шкафа и спешу прочь из комнаты, пока не передумала.

На кухне меня встречает мама: она склонилась над раковиной и смотрит в окно. Сегодня воскресенье, и она работает из дома.

Под ногами предательски скрипит последняя ступенька.

— Джули... это ты? — Мама не поворачивает головы.

— Ага, не волнуйся.

Я надеялась проскочить мимо неё незамеченной. Вместе с коробкой. Не хотелось излить перед ней свои чувства.

— Что там такое?

— Да Дэйв, — шепчет она, заглядывая меж жалюзи. — Устанавливает камеры наблюдения на дом.

— Да?

— Как я и думала.

Дэйв переехал в соседний дом полгода назад, и мама почему-то решила, что его послали за нами следить. Она превратилась в параноика с тех пор, как несколько лет назад получила правительственное письмо, содержанием которого со мной делиться отказалась.

— Лучше тебе не знать, — сообщила она мне тогда.

Полагаю, это касается её небольшой лекции на старой работе, которая стала причиной протестов. Студенты, у которых она преподавала, разбили все часы на территории университета. Против чего они выступали? Против концепта времени. Мама утверждала, что её просто не поняли, но университетский совет назвал её стиль преподавания слишком уж радикальным и заставил написать заявление об увольнении. Она убеждена, что университет и натравил на неё правительство.

— То же случилось с Хемингуэем, — объяснила она. — Но ему не поверили. Увлекательная история, погугли, почитай.

— Говорят, кто-то вскрыл соседский гараж на прошлой неделе. — Я пытаюсь её успокоить. — Вот ему и понадобились камеры.

— Как вовремя, — отвечает мама. — Мы здесь уже сколько... три года живём? И никто ни у кого даже садового гнома не украл.

Держать коробку тяжело, и я перехватываю её поудобнее.

— Мам... мы ведь не держим садовых гномов, — говорю я. *К счастью.*

А потом продолжаю:

— Да и винтажные автомобили не коллекционируем.

— Ты на чьей вообще стороне?

— На нашей, — уверяю её я. — Так что поделись планами: как мы собираемся избавиться от соседа?

Мама убирает руку от жалюзи и вздыхает.

— Понимаю, да... я опять слишком параною.

Она делает глубокий вдох — как учил её инструктор по йоге — и переводит на меня взгляд.

— Я рада, что ты вылезла из комнаты. — Она стреляет глазами в сторону часов над холодильником. — Я уже собиралась уходить, но могу и приготовить тебе что-нибудь, если хочешь. Яичницу, может?

Мама подходит к плите. Электрический чайник закипает. Рядом с раковиной лежат пачка кофе и чайная ложка.

— Нет... спасибо.

— Точно? — Мама почти дотянулась до ручки чистой сковородки. — Могу и что-нибудь другое сделать. Дай-ка подумать...

Кажется, она в самом деле торопится: на стойке пачка непроверенных студенческих работ. В городском университете как раз недавно прошли экзамены. Мама работает ассистентом профессора на кафедре философии: после того случая с часами только там ей не отказали в собеседовании. К счастью, один из её старых коллег замолвил за неё словечко — рискуя головой. И теперь, если что-нибудь случится, они оба потеряют работу.

— Вообще-то, я тоже уйду. — Перевожу взгляд на часы, делая вид, что очень спешу. Чем дольше я здесь пробуду, тем больше вопросов на меня посыплется.

— Из дома? — Мама выключает чайник и вытирает руки кухонным полотенцем.

— Прогуляюсь немного.

— Оу... Хорошо. То есть это здорово.

Всю последнюю неделю маме приходилось оставлять еду у двери моей комнаты. И она постоянно проверяла, как я там. Неудивительно, что в её голосе сквозит беспокойство.

— У меня встреча. С другом.

— Потрясающе. — Мама кивает. — Свежий воздух тебе на пользу пойдёт. Может, ещё и хорошего кофе выпьешь.

И с друзьями увидеться — тоже отличная идея. Кстати, ты не говорила с мистером Ли? Из книжного?

— Ещё нет...

В последнее время я толком ни с кем не разговаривала.

— Зайди, проверь, как он, если сможешь. Пусть знает, что ты в порядке. А то он уже несколько раз звонил.

— Я знаю...

— И учителя тоже.

Я стягиваю с крючка сумку.

— Не волнуйся, мам. Поговорю с ними завтра.

— То есть ты и в школу собираешься?

— Я должна, — отвечаю. — Если пропущу ещё неделю, то мне не выдадут аттестат.

И домашки у меня накопилось немало... нужно сосредоточиться на работе. Собраться. Что ещё мне остаётся? Мир не стоит на месте, и неважно, что с тобой происходит.

— Джули, не волнуйся ты об этом. Они понимают, что тебе нужно время. Вообще, — она выставляет вверх палец, — дай-ка я кое-кому звякну.

Она разворачивается и начинает искать телефон.

— Да где же эта штуковина...

Её мобильник лежит на кухонной стойке. Она протягивает к нему руку, и я тут же встаю у неё на пути.

— Мам, слушай, *я в порядке*.

— Но, Джули...

— *Прошу тебя*.

— Ты уверена?

— Клянусь, правда. Не надо никому звонить.

Не хочу, чтобы она обо мне беспокоилась. Я и сама смогу со всем этим справиться.

— Ну ладно, — вздыхает мама. — Как скажешь.

Она берёт моё лицо в свои ладони, проводит большими пальцами по щекам и пытается улыбнуться. Седина в её волосах блестит в свете солнца. Иногда я забываю, что когда-то она была блондинкой.

Мы молча смотрим друг на друга, а потом мама опускает взгляд.

— Так что в коробке?

Я надеялась, что она не спросит.

— Да ничего. Просто прибираюсь в комнате.

Она поднимает куртку и заглядывает внутрь. И тут же всё понимает.

— *Ох*, Джули... ты уверена?

— Да ничего в этом такого...

— Необязательно избавляться от всего. — Она копается в вещах. — То есть можно ведь просто убрать что-нибудь подальше и...

— *Нет*, — твёрдо отвечаю я. — Мне ничего отсюда не понадобится.

Мама прикрывает коробку джинсовой курткой, словно крышкой, и делает шаг назад.

— Хорошо. Не буду тебя отговаривать.

— Мне пора. Увидимся!

Выхожу из дома через гараж. Оставляю коробку с вещами Сэма у бордюра, недалеко от почтового ящика и мусорного контейнера: она звучно ударяется о землю, словно в ней полно костей и мелочи. Качающийся рукав куртки похож на руку привидения. Я поправляю футболку и направляюсь в сторону города — впервые за много дней меня греет солнце.

Через полквартала меня останавливает внезапная мысль: если я обернусь, то увижу у почтового ящика Сэма

с курткой в руках, растерянно смотрящего на коробку с вещами? Какое у него будет лицо? Что он скажет?

Ветер гоняет по асфальту листья, и я перехожу дорогу и продолжаю идти вперёд, так и не оглянувшись.

В городе прохладно: Элленсбург расположился в тени Каскадов, и иногда с гор приходит холодный ветер. Большинство строений здесь из красного кирпича, своеобразная историческая ценность. А ещё — много простора.

В Элленсбурге никогда и ничего не происходит. Мы с родителями переехали сюда из Сиэтла три года назад, когда маме предложили работу в Центральном университете Вашингтона, но отец вскоре вернулся обратно на свою старую работу. И, кажется, ни о чём не сожалел. Как я могу его в этом винить? Она так и не нашёл себе места в этом сонном городе. Иногда я чувствую то же самое.

Мама иногда называет Элленсбург старым городком, который всё ещё ищет себя — даже в век, когда все стремятся перебраться в места побольше и помноголюднее. Мне не терпится уехать отсюда, но готова признать: есть в Элленсбурге своё очарование.

Скрещиваю руки на груди: центр города встречает меня признаками весны — цветочными корзинами на фонарях и рядами белых палаток для еженедельной ярмарки. Перехожу улицу, чтобы избежать толпы — не хватало ещё встретить кого-нибудь знакомого. Весной и летом в центре Элленсбурга особенно хорошо, но сейчас эти улицы лишь напоминают мне о нём.

Сэм дожидается меня с работы, мы перехватываем по фалафелю и идём в кино — на воскресный дешёвый сеанс, — а после бесцельно бродим по городу.

Мне и сейчас кажется: если обернусь, то Сэм будет ждать на углу. Сердце колотится как бешеное... но там никого нет, кроме женщины, которая потеряла свой телефон. Когда я прохожу мимо, она даже не поднимает взгляда.

С Микой Обаяши мы договорились встретиться в кофейне на другом конце города. В центре тоже полно кафешек, но я написала Мике, что не хочу натолкнуться на знакомых, и получила в ответ: «Я тоже».

Занимаю столик у окна: за соседним расположилась престарелая пара, уткнувшаяся в одно меню. Заказываю чёрный кофе без сахара. Вообще-то обычно я пью кофе со сливками, но недавно прочла где-то, что чёрный кофе тренирует вкус. Как вино.

Не успеваю я сделать и пары глотков, как над дверью звенит колокольчик и в кафе заходит Мика. На ней чёрный кардиган поверх тёмного платья, в котором я её раньше никогда не видела. Выглядит она лучше, чем я ожидала в силу обстоятельств. Мика находит меня взглядом, опускается на красный диванчик напротив, кладёт телефон и скидывает сумку под стол. Появляется официантка и наливает ещё одну чашечку кофе.

— И побольше сахара и молока, если можно, — просит Мика. — Пожалуйста.

— Конечно. — Официантка кивает и собирается уходить, но Мика её останавливает.

— Извините, а соевого молока не найдётся?

— Соевого? Нет.

— Оу. — Мика хмурится. — Тогда обычного, пожалуйста.

Официантка отворачивается, и Мика переводит взгляд на меня.

— Ты не ответила на мои сообщения. Я даже не знала, придёшь ли ты сюда.

— Прости. Я вообще в последнее время мало кому отвечаю.

Другой отговорки у меня нет. Да и телефон у меня обычно стоит на беззвучном. К тому же на этой неделе меня почти не было в Сети.

— Да я понимаю. — Мика хмурится ещё сильнее. — Просто подумала, что ты решила не приходить и меня не предупредила. Ты же знаешь, не люблю, когда так получается.

— Поэтому я и пришла пораньше.

Мы обмениваемся улыбками, и я делаю глоток. Мика накрывает мою свободную руку своей.

— Я скучала, — шепчет она, сжимая мои пальцы.

— И я по тебе тоже.

Сколько бы я ни убеждала себя, что мне нравится одиночество, я рада увидеть знакомое лицо. Рада встретиться с Микой.

Возвращается официантка с небольшим кувшином молока и несколькими пакетиками сахара. Мика высыпает три из них в свою чашку, а потом дотягивается до кувшинчика.

— Молока? — предлагает она мне.

Качаю головой.

— Потому что это не соевое?

— Нет... я просто решила пить чёрный кофе.

— Ого. Впечатляет. — Мика кивает. — Очень по-сиэтловски.

Не успевает она договорить, как загорается экран её мобильного и он начинает вибрировать. Мика чиркает по нему взглядом, а потом смотрит на меня.

— Уберу-ка я его. — Она прячет телефон в сумку и утыкается в меню. — Хочешь что-нибудь заказать?

— Я, вообще-то, не голодна.

— Оу, ладно.

Мика убирает меню в сторону и складывает пальцы в замочек, пока я делаю ещё один глоток. Музыкальный автомат на другом конце комнаты мигает оранжевым и синим, но не играет. Между нами повисает тишина, а потом Мика наконец задаёт вопрос:

— Так... хочешь об этом поговорить?

— Да не особо.

— Уверена? Я думала, ты поэтому встречу назначила.

— Мне просто нужно было выбраться из дома.

Мика кивает.

— Хорошо. Как ты вообще?

— Да вроде ничего.

Мика молча глядит на меня, словно ждёт продолжения.

— А ты как? — спрашиваю я у неё. — Вообще.

Взгляд Мики скользит по столу, пока она обдумывает ответ.

— Не знаю. На службах тяжело, но тут нет храма как такового, так что... обходимся чем можем. Я о стольких традициях и обычаях даже и не знала. Понимаешь?

— И представить не могу... — отвечаю я.

У Мики и Сэма была настоящая связь с их культурой, не то что у меня. Оба моих родителя родом откуда-то из Северной Европы, но обычно я об этом даже не вспоминаю.

Мы снова затихаем. Мика долго помешивает свой кофе, а потом замирает, будто о чём-то вспомнила.

— Мы устроили по нему бдение. — Она не поднимает глаз. — Через день после... Я всю ночь с ним провела. Смогла снова его увидеть...

Что-то внутри меня холодеет и обрывается.

Увидеть Сэма ещё раз после того, как он... Я снова отпиваю кофе из чашки и стараюсь унять своё воображение. У меня плохо получается. Лучше бы Мика об этом не упоминала.

— Знаю, не каждый готов увидеть его таким, — продолжает она, всё ещё не поднимая взгляда. — Я тоже думала, что не смогу. Но это ведь был мой последний шанс. Поэтому я и вызвалась.

Я молчу. И просто пью свой кофе.

— А вот на похоронах народа было много. Нам не хватило стульев. Пришли люди из школы, которых я вообще впервые в жизни видела. И так много цветов...

— Это хорошо.

— Кое-кто справлялся и о тебе, — замечает Мика. — Я всем говорила, что ты себя плохо чувствуешь. Что навестишь его потом. Одна.

— Не стоило придумывать за меня отговорки, — говорю я.

— Знаю. Но они просто не затыкались...

— Кто?

— Неважно. — Мика качает головой.

Допиваю давно остывший и от того ещё более горький кофе.

Мика наконец поднимает на меня взгляд.

— Так ты ходила к нему?

Выдерживаю паузу.

— Пока... нет.

— А хочешь? — Мика снова берёт меня за руку. — Можем сходить прямо сейчас. Вместе.

Высвобождаю руку из её цепких пальцев.

— Я... прямо сейчас не могу....

— Почему?

— Мне нужно кое-что сделать, — пространно отвечаю я.

— Типа чего?

Не знаю, что ей сказать. *И почему я вообще обязана объясняться?*

Мика склоняется над столом и понижает голос.

— Джули. Знаю, всё это просто ужасно. Для тебя, для меня... для всех. Но ты не можешь избегать его. Сходи, прояви уважение. Пора.

Она замолкает, а потом шепчет ещё тише:

— Прошу тебя, это ведь Сэм...

Имя его спокойно произнести у неё не получается: я практически слышу, как из её груди рвутся рыдания, но она их сдерживает. Видеть её в таком состоянии... сложно. Внутри расцветает боль, отбирает у меня способность говорить. Поверить не могу, что она давит на жалость.

Мысли путаются. Нужно держаться.

Стискиваю пустую чашку.

— Я ведь сказала, не хочу об этом говорить, — повторяю я.

— Господи боже, Джули, — с нажимом произносит Мика. — Сэм хотел бы, чтобы ты пришла. Ты всю неделю его избегала. Тебя не было рядом даже тогда, когда его хоронили.

— Знаю. Наверняка об этом люди тоже сплетничали.

— Да кому какое дело до сплетен? — восклицает Мика, чуть приподнимаясь с места. — Важно, что сказал бы Сэм.

— Сэм мёртв.

Мы обе замолкаем.

Мика всматривается в меня, наверное, пытаюсь найти следы вины или раскаяния. Будто ждёт, что я возьму свои слова обратно, извинюсь... Но я повторяю.

— Он мёртв, Мика. И даже если схожу на его могилу, это ничего не изменит.

Мы не отрываем друг от друга взгляды — пока Мика, наконец, не отводит глаза. Она молчит, и я знаю: она во мне

разочарована. Я только теперь замечаю, что за соседними столиками тоже царит тишина. Официантка проходит мимо, делая вид, будто нас тут нет.

Чуть погодя в кафе снова поднимается шум, и я нахожу в себе силы произнести:

— В этом нет моей вины. Я просила его не приезжать, но он меня не послушал. Я умоляла его остаться. Так что не ждите от меня извинений. Я не виновата.

— Я тебя и не виню, — перебивает меня Мика.

— Ты — нет. А вот все остальные — скорее всего.

— Нет. Не все так думают, Джули. И прости, но мир ведь не вращается вокруг тебя... всё дело в Сэме. В том, что ты не пришла с ним проститься. В том, что самый близкий, знающий его лучше всех человек не смог произнести речь на похоронах. Сэм заслуживает лучшего, и ты это прекрасно понимаешь. Вот чего от тебя ожидали, Джули. Но ты не пришла. Ты ничего не сделала.

— Ты права. Может, я и знала его лучше многих. И думаю, что он не верил во всю эту мишуру. Церемонии? Бдение? Одноклассники? Я тебя умоляю. Сэму было бы на всё это плевать. Он бы возненавидел всё это. И он, скорее всего, обрадовался бы, что я не принимала в этом никакого участия!

— На самом деле ты в этом не веришь, — шепчет Мика.

— Не надо говорить мне, во что я верю. — Слова вываливаются из моего рта куда резче, чем я планировала. И я почти извиняюсь... но нет.

Из ниоткуда появляется наша официантка — видимо, чтобы принять заказ. Мика кидает взгляд на меня, потом на официантку, а потом снова на меня.

— Вообще-то, мне пора, — поспешно выпаливает она и начинает собирать вещи. Она поднимается, бросает на стол мелочь, и официантка пропускает её к выходу.

— Чуть не забыла. — Мика оборачивается и раскрывает свою сумку. — Я кое-что забрала для тебя из школы. Не знала, когда именно ты вернёшься. Ежегодник тоже захватила, наши последними сделали.

Она вываливает всё на стол.

— Оу... спасибо.

— Увидимся.

Я не прощаюсь: просто наблюдаю за тем, как Мика исчезает в дверях, звеня колокольчиком. И я вновь остаюсь одна.

Официантка предлагает новую порцию кофе, но я качаю головой. И вдруг понимаю, что больше не могу находиться здесь, внутри шумной, забитой людьми, залитой сиропом кафешки. Слишком тревожно. Мне срочно нужно выбраться отсюда.

Мой выход в город улетел в трубу: я снова болтаюсь по улицам, не зная, чем заняться. Стараюсь не думать о Мике и о том, что стоило придержать язык, но уже слишком поздно. Иду по городу и жду, когда на меня подействует кофеин. Хорошо хоть утренняя прохлада прошла: стёкла магазинов отражают полуденное солнце.

Прохожу мимо витрин... Вот антикварный. Мы с Сэмом, бывало, заходили сюда и обставляли свою воображаемую квартиру. Замираю у вывески. За стеклом на длинных полках пылятся картины и статуэтки, на полу — куча персидских ковров, старой мебели и всякого хлама. Я вспоминаю кое-что ещё...

Сэм протягивает мне подарок.

— Я тебе кое-что купил.

— В честь чего это?

— В честь окончания школы.

— Но мы ведь ещё не...

— Джули, открывай уже!

Я разрываю упаковку: внутри лежит серебряная подставка для книг в виде крыла.

— Разве их не должно быть две? Второй не хватает.

— Денег хватило только на одну, — объясняет Сэм. — Но я только что зарплату получил, так что можем зайти и за второй.

Но в антикварном магазине нам сообщают, что вторую подставку уже купили.

— Кому в голову пришло купить только половину подставки для книг? — спрашивает Сэм продавщицу.

Я поворачиваюсь к нему и сообщаю:

— Тебе.

Это была одна из наших особых шуток. Но сейчас в ней нет никакого смысла.

Я выбросила подставку вместе со всеми остальными его вещами.

Город наполнен воспоминаниями о нас. После работы я всегда могла найти Сэма в музыкальном магазине. Сейчас его красная дверь открыта и подперта стулом: внутри несколько человек ищут что-то в рядах записей, кто-то меняет струны на электрогитаре. Но в углу у кассы больше нет Сэма, который настраивает микрофон. Он ведь здесь даже не работал — просто всех знал.

Я спешу мимо, пока меня не заметили и не завели разговор, к которому я совершенно не готова.

Сколько я ещё продержусь тут, в Элленсбурге? Слишком уже тяжело переживать все эти воспоминания снова и снова. До церемонии окончания школы осталось всего

ничего, не стоит об этом забывать. Всего пара месяцев, и я отсюда уеду. Не знаю куда, но это не так и важно. Главное: мне никогда не придётся возвращаться.

Не помню, как оказалась у озера... до него ведь от центра довольно далеко. На самом деле, сюда и дороги-то нормальной нет, и указателей по пути тоже. Это похоже на поиски сокровищ: озеро ещё нужно найти. И это было последнее место, где я хотела сегодня оказаться.

Скидываю вещи на скамейку и сажусь следом: с дерева падает несколько листьев. Мы с Сэмом постоянно зависали здесь, когда было тепло. На озере мы прятались от всего остального мира. Когда мы хотели отдохнуть от города, то отправлялись сюда — ведь уехать из Элленсбурга мы пока не могли. Иногда я приносила с собой записную книжку и делала заметки, пока Сэм плавал.

Если закрыть глаза, можно представить, как он плещется в воде, как блестят капли на его плечах. Открываю глаза и вижу только спокойную поверхность озера. Я здесь одна.

Хватит о нём думать. Подумай о чём-нибудь другом.

Писательство помогает мне не заикливаться на вещах... и блокнот у меня с собой. Но мне так сложно сосредоточиться... Может, если я посижу тут подольше, то что-нибудь придёт в голову?

Касаюсь ручкой чистой страницы и жду, когда из меня начнут литься слова. В школе занятий по творческому письму нет, так что я стараюсь научиться всему сама. На уроках

ты всегда пишешь не о том, о чём на самом деле хочешь. И да, конечно, если собираешься нарушать правила, нужно их знать, но разве писательство не должно приносить тебе радость? Учителя об этом частенько забывают. Иногда даже я об этом забываю. Надеюсь, в университете всё будет по-другому.

Скоро мне должны прийти письма из колледжей. Я надеюсь поступить в Рид-колледж — туда же ходила моя мама. Думаете, это преимущество? Как же. Мама сразу предупредила, что репутация у неё там не самая хорошая, поэтому лучше мне её вообще не упоминать.

— Подрастёшь, и я тебе всё расскажу. А вообще в Портленде хорошо. Тебе понравится, — добавила она.

Ещё и на машине дотуда всего четыре часа, так что сможем с ней видаться почаще. Брошюру их я тоже изучила: предметов по писательству у них предостаточно. Есть из чего выбрать. Да и преподают не абы кто, а выдающиеся писатели со всего света. Может, в университете я смогу найти себя, понять, в чём я хороша. Может, в качестве диплома я даже напишу книгу... Но всё это будет потом. Сначала вышлю им парочку своих текстов: даже если поступлю в Рид, на некоторые курсы по письму могу всё равно не пройти. У меня есть парочка, но я не уверена, подойдут ли они для универа, — нужно написать что-нибудь новенькое. Я должна впечатлить совет. Но последняя неделя вытянула из меня всё вдохновение. Я не могу выбросить из головы Сэма, как бы ни старалась.

Его не будет рядом, когда я прочту письмо из колледжа. Он никогда не узнает, поступила ли я.

Проходит час. Страница перед мной всё ещё девственно чиста. Может, стоит немного почитать? Вдохновиться? И ежегодник как раз под рукой.

Я хотела оставить его в кафешке, но меня догнала официантка и чуть ли не бросила его мне в руки.

Обложка у ежегодника невзрачная, серо-синяя. Перелистываю несколько страниц: большую часть занимают фотографии со спортивных мероприятий и клубных занятий, но они мне неинтересны. Далее — любимчики школы, класса, лучшие друзья... Мне пофиг, кто выиграл в этих номинациях. Из нашего класса тоже кто-то подавался. Как по мне, всё это дико нелепо.

Портреты старшеклассников я тоже пролистываю — настроения их рассматривать нет никакого — и добираюсь до самого конца, до белых листов для записей. И вдруг понимаю, что кто-то успел расписаться в моём ежегоднике. На предпоследней странице. Наверное, Мика? Но потом я присматриваюсь: на её почерк совсем непохоже. Нет, это кто-то другой... Я не сразу его узнаю. Но когда узнаю... Быть этого не может.

Это почерк Сэма. Я точно знаю. Но как он?.. Как он умудрился добраться до ежегодника? Когда успел?

Возможно, мне не стоит читать это прямо сейчас. Или вообще. Но любопытство сильнее меня.

У меня дрожат руки. Я слышу его голос словно наяву.

Привет.

Я решил всех опередить и оставить тебе послание. Надеюсь, это станет ещё одним доказательством того, как сильно я тебя люблю. Поверить не могу, уже три года пролетело... А кажется, будто только вчера я сидел позади тебя в автобусе и набирался храбрости, собираясь заговорить. Страшно даже представить, что было время, когда мы друг друга не знали. Время до «Сэма и Джули». Или лучше «Джули и Сэма»? Сама решиай.

Знаю, тебе не терпится скорее убраться из Элленсбурга, но я буду по нему скучать. Твои планы, конечно, слишком велики для маленького города, и все об этом знают. Но я рад, что твоя дорога привела тебя именно сюда и мы смогли узнать друг друга. Может, это было неизбежно? Мне кажется, до встречи с тобой я толком и не жил, Джули. Ты — лучшее, что случилось с этим сонным городком. И со мной. И неважно, куда мы отправимся дальше... главное, мы будем вместе.

Признаться... раньше мне даже думать было страшно о том, чтобы уехать отсюда. Но теперь я с нетерпением жду, когда мы отправимся навстречу новым приключениям и новым впечатлениям. Главное, не забывай и о тех, что мы получили здесь.

Особенно когда ты станешь знаменитой. И что бы ни случилось, обещай не забывать меня. Идёт?

*В общем. Я люблю тебя, Джули. И всегда буду любить.
Навеки твой, Сэм*

Навеки...

Закрываю ежегодник и смотрю на озеро, пытаюсь переварить прочитанное. У другого берега плещется семья уток, и я наблюдаю за тем, как они кружатся по воде, и слушаю шум листьев на ветру... И пропускаю через себя слова Сэма.

С тех пор, как он умер, прошла неделя. И я пытаюсь стереть его из своей жизни, как ужасное воспоминание, — чтобы я смогла двигаться дальше. После всего пережитого... я выкинула его вещи. Не пришла на его похороны. Даже не попрощалась. Сэм попросил меня лишь об одном — помнить о нем. А я только и делаю, что стараюсь его забыть.

На горизонте появляются тучи, и я поёживаюсь: утрен-
няя прохлада возвращается. Я сижу на пляже и наблюдаю
за теньями на поверхности озера. Меня затапливает вина.
Сколько я тут уже сижу?

Я вдруг вскакиваю с места и бегу обратно в город.

Рынок уже сворачивается, когда я проношусь мимо ря-
дов с дарами осени, буханками хлеба и гремящими клет-
ками с курами. Меня не волнует, в кого я врезалась и что
сбила по пути, — я спешу домой. Судя по солнцу и количе-
ству машин на дорогах, ещё не вечер. Мусоровоз наверняка
проехал по нашей улице пару часов назад. Но расписание
ведь часто меняется, люди опаздывают, и коробка с веща-
ми Сэма всё ещё может стоять у почтового ящика, недалеко
от бордюра.

Я поворачиваю за угол, ищу глазами наш почтовый ящик
и понимаю, что коробки нет. Ничего нет. Всех вещей Сэма
больше... нет.

Меня накрывает странным чувством: я будто тону прямо
посреди улицы, вода заполняет мои лёгкие, и я забываю, как
дышать.

Забегаю в кухню. На столешнице пусто. Обыскиваю
зал — вдруг мама принесла коробку с вещами Сэма обратно
и спасла меня. Но там тоже ничего нет.

Достаю телефон и набираю мамин номер: она всё ещё
в офисе, но после четвёртого гудка отвечает.

— Мам... ты где?

— А что такое? Джули, что-то случилось?

Я понимаю, что дышу так, словно пробежала марафон.
И никак не могу отдышаться.

— Коробка с вещами Сэма, которую я вынесла утром. Ты
не заносила её обратно?

— Джули, ты что! Конечно, нет.

— И ты не знаешь, куда она делась? — отчаянно выпаливаю я.

— Прости, милая, не знаю, — отвечает она. — Ты в порядке? Что там у тебя происходит?

— Я в порядке. Я просто... я... мне нужно идти...

Скидываю звонок, пока мама не успела спросить что-нибудь ещё. Внутри всё холодеет. Поздно.

Всё, что было у меня от Сэма... ничего не осталось.

Я вдруг понимаю, что пропустила похороны и поминки, которые проводили в память о нём. В память, от которой я решила избавиться. Я даже на могилу к нему не сходила.

Понимаю, что не могу больше стоять на месте. Мне нужно двигаться. Нужно что-то *делать*.

Начинаю ходить туда-сюда по пустому дому. Внутри бурлит столько эмоций — эмоций, которые я подавляла и задвигала в долгий ящик. Они ледяной водой прокатываются по моим жилам. Руки трясутся. Мика была права. Что бы подумал Сэм, если бы узнал, как я с ним обошлась?

В голове проносится вереница последних дней, и я начинаю кое-что понимать. Кое-что, чего не видела раньше. Копившийся во мне гнев просто был стеной, за которой я пыталась спрятать вину.

Это не Сэм бросил меня тем вечером. Это я оставила его. И как только я это осознаю...

Ноги несут меня прочь из дома.

Пока я была внутри, небо нахмурилось и накрыло тенью соседние дома.

Элленсбург — не самый маленький городок в Центральном Вашингтоне, но сквозь него проходит только одна главная дорога. Пройдёшь по ней — считай, увидел всё.

За пару кварталов до университета есть поворот на тропинку, которая пронизывает всю северную часть города. Я спешу по ней до холма — небо продолжает хмуриться. Скоро пойдёт дождь.

До кладбища примерно час ходьбы, но тропинка сильно экономит время. Так как я проделала весь путь бегом, то добралась до памятников буквально минут за десять.

Моросит, но дождь постепенно превращается в туман: я едва различаю перед собой хоть что-то. Одежда промокла от пота, но мне всё равно.

Где-то здесь похоронен Сэм. И я должна увидеть его, хоть раз. Отдать дань уважения, извиниться за то, что не пришла раньше, и за то, какой я ужасный, ужасный человек. Сэм должен знать: я его не забыла.

Представляю его сидящим на могильном камне в джинсовой куртке — он ждал меня всю неделю. Что я скажу ему? Как объясню, почему так долго не приходила?

Но недалеко от главных ворот я вдруг останавливаюсь. Висящий над ними фонарь, сейчас выключенный, скрипит на ветру.

Что я здесь делаю?

Холм просто огромный. Здесь сотни могил, ряды их убегают за горизонт. Как быстро я смогу его найти? С чего начать? Я словно примерзаю к мокрому асфальту.

Дальше мне хода нет. Я не могу этого сделать.

Сэма здесь нет.

На что тут смотреть? На свежий газон над его могилой? Не хочу, чтобы это было моим последним о нём воспоминанием. Не хочу думать о том, что ему предстоит провести целую вечность под землёй.

Я отхожу от ворот и снова задаюсь вопросом о том, зачем я сюда пришла. Это было ошибкой. Сэма здесь нет. Я не хочу, чтобы он тут был.

Едва осознав, что делаю, я разворачиваюсь и бегу прочь, чуть не поскользнувшись.

Вечерний туман превращается в дождь. Я оставляю позади кирпичные кладбищенские стены. Куда я бегу на этот раз? Кто знает.

Хочу убраться как можно дальше отсюда.

Дождь продолжает идти. Я оказываюсь в лесу и бегу до тех пор, пока дороги и дома не исчезают из вида.

Из-за дождя земля мягкая, и на ней полно луж. Я бегу и представляю, что пересекаю границу и оказываюсь в другом мире. Мире, где всё в порядке. Как бы мне хотелось уметь перепрыгивать время — тогда я бы изменила судьбу. Но как бы я ни старалась, я не смогу ничего переделать.

Я вдруг теряю опору — споткнулась обо что-то? — и со всего размаха ухаю на землю. Всё болит, а потом немеет, и я не чувствую ничего. Пытаюсь подняться, но не могу пошевелить и мускулом. Ну и ладно. Я могу остаться лежать здесь, среди камней и листьев, пока небо продолжает падать на землю.

Я скучаю по Сэму. По звуку его голоса. По тому, что он всегда отвечал на мои звонки.

Где я вообще? Кому могу позвонить? Храбриться у меня не особо получается. И завтра я буду сожалеть обо всём, что сделала сегодня. Но прямо сейчас я в отчаянии. Мне одиноко. И я достаю телефон. Свет от экрана на секунду ослепляет меня. Я и забыла, как утром удалила всё: фотографии, сообщения, приложения... ничего не осталось. Открываю список контактов и пытаюсь понять, кому могу позвонить. Выбор невелик.

Номера Сэма в книжке нет, и я вспоминаю, что удалила и его тоже. Помню ли я вообще его номер?

Вы дозвонились до Сэма

И зачем всё равно набираю его, нажимаю звонок и прикладываю телефон к уху?

Надеюсь услышать его автоответчик? И что я сделаю, оставлю ему сообщение? Скажу о том, как мне жаль?

Я подскакиваю от звука телефонных гудков: в лесу такое услышать не особо ожидаешь. Закрываю глаза и чувствую, как по телу пробегает дрожь. Телефон звонит очень долго, и вскоре я думаю только о том, что гудки эти будут длиться целую вечность... а потом они вдруг затихают.

Кто-то поднимает трубку.

Кто-то долго в неё молчит. А потом отвечает.

— *Джули...*

Я слышу, как разбиваются о телефон капли дождя. Слышу, как гулко бьётся моё сердце. Поднимаю взгляд в небо и вслушиваюсь.

— *...ты там?*

Этот голос. Неразборчивый и хриплый, словно шорох океана в ракушке. Он мне знаком. Я слушала его так долго, что он стал мне таким же родным, как и мой собственный. Не может быть. Не может быть, чтобы это был...

Сэм.

Глава вторая

— *Слышишь меня? Джули?*

Шум океана стихает, и голос Сэма звучит всё чётче.

— *Ты там?*

Смаргиваю капли дождя с ресниц. Неужели я пропустила одно из его голосовых? Вроде утром всё удалила...

— *Если слышишь меня — скажи что-нибудь. Дай знак, что это ты...*

Не помню, чтобы он такое говорил. Я головой ударилась? Галлюцинирую? Перед глазами плывёт, и я прикрываю веки, не желая видеть кружащихся вокруг деревьев. Не уверена, голос Сэма раздаётся из трубки или... или просто в моей голове? Но всё равно отвечаю.

— *Сэм?*

Лес окутывает тишина. На мгновение мне кажется, что он не ответит. Что он и прежде молчал. Но потом слышу, как на другом конце трубки кто-то вздыхает.

— *Привет... — выдыхает он с облегчением. — Думал, соединение оборвалось...*

Я чуть приоткрываю глаза: мне холодно, и я едва различаю, где верх, а где низ. Пытаюсь воззвать к здравому смыслу, но у меня ничего не получается.

— *Сэм?* — повторяю я.

— Тебе хорошо меня слышно? Я не думал, что это работает.

— Что происходит?

— Я надеялся, что ты мне перезвонишь, — произносит он так, словно ничего необычного не случилось. Словно мы созвонились после того, как нас случайно разъединили.

— Я по тебе скучал. Бесконечно скучал.

Я уже ничего не понимаю. Что происходит?

— Ты ведь тоже по мне скучаешь?

Голова плывет. Я медленно тону в лесной грязи, по мне хлещет дождь, и я вслушиваюсь в знакомый голос, пытаюсь понять, что происходит.

Всё это очень странно. Не успеваю остановить себя и спрашиваю:

— Сэм, это правда ты?

— Конечно я. — Он усмехается. — Думал, что больше никогда тебя не услышу. Думал, что ты обо мне забыла.

— Как это возможно?

— Ты ведь сама мне позвонила. — Голос его даже не дрожит. — И я ответил. Я ведь всегда отвечаю на твои звонки.

Всегда.

— Погоди, нет... это ведь невозможно!

Сэм затихает. Капли дождя стекают по мне, словно пот. Сэм отвечает не сразу.

— Если честно, Джули, я тоже не уверен, как это получилось, — признаётся он. — И почему мы с тобой сейчас говорим. Просто знай, это в самом деле я. Хорошо?

— Хорошо, — выдавливаю я.

Этого не может быть, но я позволяю себе поверить в невозможное. Пусть голос Сэма будет моим зонтом от мира. Я держусь за него, как за соломинку, чтобы не утонуть в лесной подстилке окончательно. Откуда он вообще звонит?

Мне так сильно хочется, чтобы это в самом деле был Сэм... но это ведь невозможно. А потом я вдруг понимаю.

— Я сплю...

— Это не сон. — Голос Сэма почти эхом отдаётся в лесу. — Обещаю.

— Как иначе... как мы с тобой говорим?

— А как мы раньше это делали? По телефону, как и сейчас.

— Но, Сэм... Я ведь всё ещё не... — начинаю я.

— Знаю, — отзывается он. — Да, это немного отличается от наших прежних телефонных разговоров, но я всё тебе объясню. Скоро. А пока давай просто... давай просто поговорим? Это ведь хорошо! В смысле этот звонок. То, что мы снова можем говорить. Давай сменим тему. О чём ты хочешь поговорить?

Раньше мы говорили... *Раньше.*

Я закрываю глаза и пытаюсь вернуться в это «раньше». В то время, когда Сэм всё ещё был жив. В то время, когда ещё ничего не случилось, ничего не порушилось. А потом я открываю глаза и понимаю, что всё ещё в лесу. А от Сэма остался только голос в телефонном динамике.

— Ты там?

Он звучит так ясно, что кажется, если повернуть голову, то он будет...

Но в лесу только я.

— Где ты? — Этот вопрос кажется логичным.

— Где-то, — неопределённо отвечает Сэм.

— *Где?* — повторяю я и перехватываю телефон поудобнее, прислушиваясь к звукам по ту сторону, но дождь заглушает всё.

— Так просто это не объяснить. То есть я и сам не уверен, что знаю, где я. Прости, что не могу ответить как следует.

Но это ведь и не важно, так? Я здесь. Мы с тобой снова вместе. Ты не представляешь, как сильно я скучал...

И я тоже скучала. Так сильно, Сэм.

Но слова застревают в горле — какая-то часть меня всё ещё думает, что спит. Может, я провалилась в кроличью нору и оказалась в параллельной реальности? Или так сильно ударилась головой? И какой бы из вариантов ни подходил на самом деле, я боюсь, что, когда этот разговор закончится, я снова потеряю Сэма. И так и не смогу узнать ответ на единственный важный вопрос.

Дождь всё никак не закончится, но туч на небе поубавилось.

— Что это за звук? — спрашивает Сэм. — Дождь? Джули, ты где?

Я оглядываюсь. На какое-то мгновение я забываю, как вообще здесь оказалась.

— Снаружи.

— И что ты там делаешь?

— Не помню...

— Ты у дома?

— Нет, я... вообще-то, понятия не имею, где я.

В данный момент я о многом не имею ни малейшего понятия.

— Ты что, потерялась?

Я обдумываю его вопрос. На него можно дать столько разных ответов... Но вместо этого я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на голосе Сэма. Ограждаю себя от мира.

— Джули, зайди внутрь, ты ведь промокнешь... Ладно? И как только окажешься под крышей, перезвони мне.

Сердце замирает, и я распахиваю глаза.

— *Подожди!* — срываю голос. — Не вешай трубку!

Я не готова потерять его снова.

— Не волнуйся, я никуда не денусь, — успокаивает меня Сэм. — Давай, возвращайся домой и перезвони. Я отвечу, обещаю.

Он и раньше давал обещания, которые не собирался выполнять. Мне хочется возразить ему, но с губ не срывается ни слова. Не хочу вешать трубку. Но Сэм всё повторяет и повторяет о том, что мне следует найти убежище, и я сдаюсь.

— *Как только перезвонишь... я отвечу.*

Нельзя же оставаться здесь на веки вечные. Я промокла до нитки и почти не чувствую пальцев. Нужно выбраться из леса, подальше от холода, пока солнце не зашло, — в темноте я вряд ли найду дорогу обратно.

Не помню, когда я оторвала ухо от телефона и что вообще случилось после того, как мы с Сэмом закончили наш разговор. Из моей мысленной книги словно вырвали страницу... Но вскоре ноги приведут меня на главную дорогу, подальше от дремучих дебрей.

До города я добираюсь уже в темноте: спешу по мокрым тротуарам, забегаю под навесы магазинов, чтобы укрыться от дождя. Огни в кафешке, где мы сидели утром с Микой, уже не горят, но чуть дальше по улице открыто другое заведение. Единственное на весь квартал.

Я перебегаю улицу и захожу внутрь. Даже в такой поздний час здесь, под светом марокканских ламп, полно студентов: плащи их закинута на спинки стульев, безучастные лица освещены экранами ноутбуков. Пробираюсь к столу в дальнем

углу, ничего не заказывая, разворачиваю стул к окну и присаживаюсь. Зеркал тут нет, и я дёргаюсь от неожиданности, когда замечаю своё бледное отражение в стекле.

Задуваю свечку, и отражение исчезает. Провожу пальцами по мокрым волосам. С одежды тоже течёт на деревянный пол. Может, стоило немного отряхнуться, прежде чем заходить внутрь? К счастью, тут, в углу, довольно темно, и на меня не будут обращать особого внимания.

Делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и обвожу взглядом зал. Женщина за соседним столиком читает книгу. Не хочу, чтобы она услышала, как я говорю по телефону, поэтому решаю подождать. Она сидит одна, вся в чёрном... может, она здесь работает и просто выбежала почитать, пока перерыв? То, как медленно она пьёт чай, дико бесит.

Когда она, наконец, уходит, мне словно становится легче дышать.

Я вынимаю из кармана телефон. Почти девять. Как время бежит! И когда только успело?

Кажется, сейчас я впервые замечаю его ход с тех пор, как вышла из дома. Никто мне не писал и не звонил. Похоже, никто просто не заметил, что я пропала.

Кладу телефон на стол, потом снова поднимаю. Повторяю ритуал. И ещё. И ещё. Теряю счёт тому, сколько раз успела это сделать.

В кафе пахнет кофе и чаем. Здесь, среди людей, подальше от леса, мысль о звонке Сэму кажется просто нелепой. Что бы там, под дождём, ни случилось, это было исключительно в моей голове. Кажется. Неужели я окончательно сошла с ума?

Должно быть, потому что я снова беру телефон и набираю номер Сэма.

Идут гудки. После первого я задерживаю дыхание. Но трубку поднимают почти сразу же.

— *Привет...* Я ждал твоего звонка.

Вздыхаю с облегчением, прикладываю пальцы ко рту, чтобы сдержать рвущийся из меня звук. Что я вообще должна чувствовать? Недоумение? Облегчение? Или и то, и другое?

— *Сэм...* — скатывается с моих губ.

— Я не знал точно, перезвонишь ли ты. Подумал, может, забудешь.

— Я не забыла. Просто не знала, куда пойти.

— И куда тебя завели ноги?

Поворачиваю голову и смотрю на витражную сине-золотую вывеску над дверью: изнутри надпись читать сложнее, потому что она написана задом наперёд.

— В «Солнце и луну».

— Я ведь там работал! — восклицает он.

А я и забыла. Давненько я сюда не заходила.

Сэм ненадолго замолкает — кажется, прислушивается к шуму вокруг меня. И я, вопреки всему, делаю то же: по деревянному полу чиркают ножки стульев, звенят ложки о керамику, шепчутся люди.

— И впервые заговорил с тобой тоже. Ты сидела в самом углу. Помнишь?

И я вспоминаю. Чёрный фартук, пар над тёплым латте, бумажная лилия у кассы. Сэм принёс мне напиток до того, как я успела его заказать, и мы проговорили несколько часов. С тех прошло уже почти три года. Это ведь тот же самый столик, кажется? В самом углу, у окна. Я и не заметила.

— Ты всегда заказывала лавандовый латте с капелькой мёда. Я помню. Хотя теперь его больше не пьёшь. Пытаешься перейти на чёрный кофе, — усмехается он.

Мы словно только вчера сидели здесь вместе... Нет, нельзя об этом думать.

— Сэм... — Я зову его обратно, прочь из воспоминаний.

— Помнишь, ты хотела выпить эспрессо, чтобы закончить текст, а я сказал, что время слишком позднее? — задумчиво протягивает он. — А ты всё не унималась, и я его сделал, и ты всю ночь не сомкнула глаз. И так на меня разозлилась...

— Я на тебя не злилась. Я просто бурчала.

— А помнишь тот концерт? Когда мне гитару подписали? Мы ведь тоже тогда в кафе зашли, да? Съели по половине печенья-полумесяца... ну, с белой глазурью? Ты ещё сказала, что ни фига они непохожи на месяц. Помнишь?

Конечно, помню.

Воспоминания так свежи, что в животе порхают бабочки. На мне была его джинсовая куртка, та самая, которую я выбросила утром. Мы промокли под дождём. Совсем как я сейчас.

Сердце стучит громко-громко. Почему он об этом заговорил? Почему заставляет пережить эти воспоминания вновь? Не думаю, что у меня есть силы продолжать.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я.

— О чём ты?

— Напоминаешь обо всём это...

— А что, это разве плохо?

— Сэм...

Я замолкаю — кто-то в чёрном отодвигает стул и занимает столик позади меня. В то же мгновение распахивается дверь, и в кафе входит пара, которая сворачивает зонт. Многовато здесь народу. Я поворачиваюсь к окну и понижаю голос.

— Объясни мне, что происходит. Как я могу быть уверена, что всё это реально?

— Потому что так оно и есть. Я настоящий, Джули. Верь мне.

— И с чего бы? Мне кажется, я с ума схожу.

— Это вовсе не так!

— Тогда как я могу говорить с тобой?

— Ты ведь позвонила, Джули. И я ответил. Как и всегда. То же самое он сказал и в прошлый раз. Слово в слово. Но этого недостаточно.

— Я не думала, что ты ответишь. Не думала, что снова услышу твой голос.

— И что, ты разочарована?

Его вопрос застаёт меня врасплох. Как на такое ответить?

— Я вовсе не это имела в виду. Я только... Я...

Не могу найтись с ответом. Не могу сосредоточиться — мысли витают где-то далеко.

Кто-то роняет ложку, и звон раскатывается по залу. Кто-то смеётся. Здесь становится слишком шумно.

В кафе продолжают заходить люди, и оно словно уменьшается... стены его скоро меня раздавят.

— Джули... — Голос Сэма возвращает меня в реальность. Только за него я и держусь. — Понимаю, сейчас всё это кажется дикостью... то, что мы с тобой говорим. Прости, я не могу дать тебе всех ответов. Мне бы очень хотелось, но у меня их попросту нет. Был бы способ доказать тебе, что всё это происходит на самом деле. Просто поверь мне, хорошо?

— Я уже не знаю, во что мне верить.

Шум в зале усиливается. Очередная парочка протискивается мимо — тяжёлые шаги, джинсы и блондинистые волосы. Они занимают столик передо мной и заказывают что-то горячее. Пытаюсь скосить на них взгляд так, чтобы они этого не заметили. А потом узнаю голоса, и внутри всё обрывается.

Тейлор усаживается на стул, Лиам опускает на столик чашки. Они встречаются уже почти год. Когда Сэм погиб, они тоже были на той встрече у костра.

Отворачиваюсь к окну и склоняю голову, пытаюсь закрыться от них волной влажных волос. Конечно... из всех людей из школы, на которых я могла наткнуться, это обязательно должны быть они. Им-то точно известно, что меня не было на похоронах. Наверняка им есть что об этом сказать.

Сэм знал их с детства — они вместе выросли и были очень дружны до того, как я сюда переехала. После, когда мы с Сэмом начали встречаться, дружба их немного пошатнулась. Полагаю, у Тейлор были особые причины не любить меня. Когда я спросила у Сэма, почему они так ко мне относятся, он сказал, что элленсбуржцы не особо жалуют тех, кто вырос в больших городах. Из-за политических разногласий или типа того. В конце концов, отец Тейлор водит грузовик на газу, а мой — электрокар. Все в школе вечно закатывали глаза, когда он, бывало, подвозил меня. Отцу здесь не нравилось. Он покинул Элленсбург с радостью.

Может, они меня не заметили? Проверять что-то не хочется... Тихонько проскользнуть в туалет или подождать, пока они уйдут? И тут меня слепит яркий свет — я поднимаю взгляд. Тейлор опускает телефон, который направила на меня, — судя по её расширившимся от ужаса глазам, она не сразу поняла, что забыла выключить вспышку. Лиам потягивает свой напиток, словно ничего не случилось. Они не извиняются. Они вообще ничего не говорят.

Меня пробирает дрожь.

Я не готова со всем этим разбираться. Только не сейчас.

— Джули, что такое? — спрашивает Сэм, и я понимаю, что он всё ещё на линии.